

На состоявшемся в этом году VIII Всесоюзном совещании молодых писателей не было семинара научной фантастики. Но молодые писатели-фантасты были. Среди них Тимур Свиридов, москвич, журналист, 27 лет, и Павел Панов, геофизик, работает на Камчатке, 29 лет, с их произведениями мы знакомим читателей «Искателя». Мы попросили старейшего советского писателя-фантаста, члена редколлегии журнала «Вокруг света» Александра Казанцева сказать молодым несколько напутственных слов.

Не рдеет беспокойная когорта «писателей мечты». И это радует: будут новые имена, будут новые произведения. Сегодня «Искатель» представляет лишь двух молодых фантастов — Тимура Свиридова и Павла Панова. Но число пишущих или пробующих свои силы на нелегком пути фантастики исчисляется сотнями.

Социалистическая научная фантастика как часть обширного поля советской художественной литературы должна быть также прежде всего художественной, идейной, партийной. Главное в советской научно-фантастической литературе — вера в грядущее, в человека, в его созидательные возможности.

Хочется предостеречь молодых фантастов от пренебрежения «научностью» (что легче всего людям в науке невежественным). Это прямой путь в пустую фантазмагорию. Если в произведении нет идеи, привлекающей читателя, если оно никуда не зовет, ничему не учит, то такая, с позволения сказать, фантастика пуста.

Возможна сказочная фантастика, но в ней следует видеть лишь литературную форму, средство, позволяющее ярче выделить сегодняшний день, его достоинства и недостатки.

Напомню строки Буало: «Невероятное растрогать неспособно. Пусть правда выглядит правдоподобно». И как расшифровку этих слов, фразу, некогда сказанную мне Алексеем Толстым: «В фантастике невероятное должно быть достоверным».

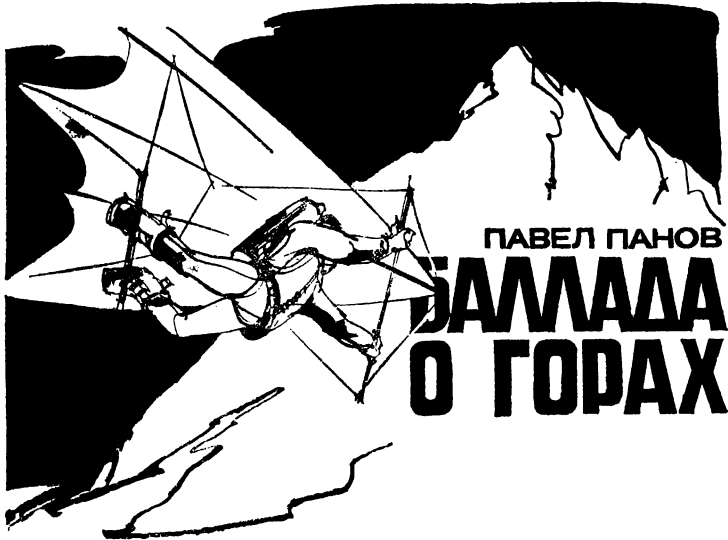
Что еще можно пожелать молодым? Осторожней берите за образец произведения западных фантастов. Писатели капиталистического мира мечтают о будущем, отталкиваясь от того, что они видят вокруг себя, и естественно, что грядущее у них чаще всего — продолжение капиталистической действительности со всеми ее особенностями и недостатками.

Для того чтобы стать писателем-фантастом, требуется не только одаренность и знание жизни, но также научная образованность, способность разбираться в тенденциях развития общества. Недаром выдающиеся фантасты были, как правило, учеными, исключительными эрудитами, будь то Жюль Верн, Уэллс или Азимов, Циолковский или Алексей Толстой, академик Обручев или профессор Ефремов.

Уверен, что этот, разумеется неполный, перечень выдающихся имен пополнится за счет тех, кто сейчас пока еще приоткрывает волшебные двери фантастики.

Успеха вам, молодые мечтатели!

Александр КАЗАНЦЕВ

ПАВЕЛ ПАНОВ

БАЛЛАДА О ГОРАХ

Встречали десятую экспедицию, вернувшуюся с Чужой планеты, из района Красного Пятна.

И, когда отыграли свое оркестры, когда отзвучали все хорошие слова, Егор пробрался сквозь толпу к Ольге и протянул ей цветы. Цветов было так много, что Ольга сразу скрылась за ними. Егор рассмеялся и обнял ее вместе с букетом.

— Здравствуй, моя хорошая! Я опять вернулся.

Они сели в дискоид, и Егор сказал:

— Сейчас мы приедем домой, и это будет самый последний дом, до которого я наконец-то добрался.

— Признавайся, у тебя появился еще какой-нибудь дом? — лукаво спросила Ольга.

Егор поднял дисконд в воздух и только потом ответил:

— Понимаешь, когда на монтаже заканчивался рабочий день, то мы обычно говорили друг другу: «Пошли домой». Врубали ранцы и плыли в пустоте к орбитальному модулю. Это и был наш первый дом. Там можно снять скафандры, разговаривать без радиопомех, видеть лица ребят, не закрытые черными светофильтрами... Потом заканчивалась вахта, и мы «летели домой», то есть на корабль, где гравитация, баня, бассейн, отдельные каюты и все остальное.

Ольга внимательно слушала. Дисконд набирал высоту. Его слегка покачивало на восходящих потоках.

— Потом построили факторию в Красном Пятне и стали говорить «спускаемся домой», когда вылетали с корабля на планету. Странно, Чужая стала нам более близкой, чем земной корабль, потому что там все-таки твердь под ногами, настоящий воздух с ветрами и запахами.

Егор замолчал.

— Говори, Егорушка, говори, — прошептала Ольга, вглядываясь в его лицо.

— Вот и все. Можно сказать, что и солнечная система — наш большой, обжитый дом, и Земля родная... Один чудак еще на орбите Плутона закричал: «Мы уже почти приехали!» А сейчас мы долетим до нашего с тобой дома...

Егор усмехнулся и пробормотал:

— Так что у меня этих домов, как у зайца лежек.

— Ты у меня скорее волк. Космический волк, — засмеялась Ольга.

— Вот уж нет! Не хочу быть волком. Это жестокий зверь. Их было много там, в Красном Пятне...

Егор знал, что каждый раз после большой разлуки даже близким людям приходится привыкать друг к другу. Раньше он это делал мучительно — надолго замолкал, всматривался в Ольгу и находил новые, чужие для него черты, по-детски обижался, что она не осталась такой же, как три года назад. Потом решил, что этот трудный, неизбежный период нужно форсировать. И, возвращаясь со звезд, он начинал помногу шутить, рассказывать космические байки, болтать безобидную чепуху. Так он сам оттаивал от черного холода.

На Земле в первые же дни после возвращения весь дом обычно был наполнен их смехом, громкими спорами и песнями. Егор припомнил все это, представил новую встречу и облегченно вздохнул.

— Кстати, Оля, а где Женька? Что же он не пришел встречать? Может быть, его нет на Земле?

— Я не знаю, — быстро сказала Ольга. — Я потом тебе все расскажу.

А через секунду она тихо добавила:

— Он... на Земле. Он давно на Земле.

Егор молча кивнул и плотнее взялся за штурвал. Машина со свистом вспарывала воздух, дрожа от напряжения. Егор любил скорость. У него была такая профессия — любить скорость.

Он открыл дверь своим ключом и долго стоял на пороге, привыкая. Ольга подошла сзади, ткнула головой в его плечо и тихонько сказала:

— Ну, проходи же...

Прямо посреди комнаты стоял праздничный стол, накрытый на двоих. Егор улыбнулся и осторожно вошел в дом. Он мягко ступал по пушистому ковру, кончиками пальцев дотрагивался до вещей, гладил корешки книг и думал о том, что надо бы позвонить Женьке, узнать, почему он не пришел встречать... Вот и Оля накрыла стол только на двоих... Конечно, она не видела его три года, здесь даже лучший друг может, наверное, помешать.

— Нет, — сказал себе шепотом Егор, — настоящие друзья никогда не мешают.

Он подошел к видео, быстро набрал номер Женькиного дома, но экран мигнул голубой заставкой «ответа нет» и погас.

Егор постоял у порога, подумал...

— Оленька! Я добегу сейчас до Женьки. Давай поужинаем сегодня втроем!

— Не надо, Егор! — отчаянно крикнула Ольга. — Не ходи сегодня туда...

— Ну что за вздор? Поссорились мы с ним тогда по делу. Что он — три года будет дуться?..

— Его нет, Егор, — медленно сказала Ольга.

— Как нет? Ты же сказала, что он на Земле.

— Теперь он всегда будет на Земле. Он... погиб.

Могила Евгения Ануфриева была на перевале, рядом с горой Качакур. Егор оставил дисконд на каменистой площадке и пошел к ней, чувствуя в груди гулкую пустоту.

На могиле стоял памятник, но это был необычный, странный памятник альпинисту. Огромная глыба прозрачного кварца походила на кусок зеленоватого льда. Часть глыбы была отполирована — там, в глубине холодного камня, светились цветные стереофото. Там Женька, только что спустившийся с гор, счастливо улыбался, а его борода была покрыта намерзшим льдом.

С какой-то дотошной аккуратностью, словно искал ошибку, Егор прочитал надпись: «Ануфриев Евгений Алексеевич, мастер спорта по альпинизму». Он рассматривал даты жизни и смерти и все боялся вспомнить или невольно сосчитать — сколько же было Женьке лет? Боялся, потому что этот счастливый усталый парень на стереофото был еще такой молодой...

Егор внимательно прочитал эпитафию: «Горы, горы — счастье и горе», и только тогда жесткий комок застрял в горле, да так, что ни закричать, ни проклясться.

«Горы, горы... горе, горе...» — твердил про себя Егор и чувствовал, что если сейчас не сумеет заплакать, то этот комок задушит его.

Егор шагнул вперед и оперся рукой о ледяной кварц. И внезапно внутри сверкающей глыбы раздался тихий звон,

словно там оборвали струну. Звон повторился, и только тогда Егор понял, что это играет гитара. Потом он узнал и песню, вспомнились слова и хриловатый голос певца: «Так оставьте ненужные споры. Я себе уже все доказал. Лучше гор могут быть только горы, на которых никто не бывал...»

Песня сбила комок в горле, отвлекла на мгновение. Егор слушал ее с нарастающим недоумением, и постепенно рядом со звериной тоской вырастали обида и гнев. Как они могли не уберечь такого парня, как они посмели допустить, что он лежит здесь, на этом мрачном, диком перевале?! Нужно было немедленно что-то делать, что-то исправить... Здесь нельзя было оставаться!

Егор бросился к дискоиду, взлетел круто, завалив машину на бок, и черная громада горы метнулась ему навстречу. Егор поднялся над горами, резко спикировал и вырвал дискоид из пике лишь в нескольких метрах от острой заснеженной вершины, так что снежную пыль столбом закрутило.

Потом он пришел в себя, завис над вершиной и долго разглядывал серые невзрачные скалы, торчащие из снега.

Так вот куда шел Женька! Зачем? Зачем этот бессмысленный, страшный спорт, который и спортом-то назвать нельзя... Проклятые горы!

Он не мог наказать их. Не мог потребовать от них ответа, но где-то там, внизу, оставались люди, и среди них Олег — душа альпинистская, друг сердечный.

Егор резко развернул дискоид на запад, и в голове замечались обрывки горьких фраз: «Значит, всё... Скорбная нехитрая символика... Горы-горе... А вот песня не зазвучит, пока к памятнику рукой не прикоснешься...»

Он бросил дискоид рядом с домом Олега, торопливо поднялся по лестнице, ударом кулака отбросил дверь и остановился на пороге, хрипло дыша, не в силах сказать пока ни слова.

Олег сидел на полу и разглядывал разодранную палатку. Вокруг валялись связки крючьев, спальные мешки, какие-то красные веревки, в углу стоял собранный рюкзак.

Олег поднял голову и, встретившись с Егором взглядом, спокойно сказал:

— Значит, вернулся... Давно?

— Я-то вернулся, — с нажимом начал говорить Егор и, не выдержав, выкрикнул: — А вот почему здесь, на Земле, не все возвращаются?! Я вернулся! Я не только вернулся, я всех своих людей назад привел! Всех!.. Да, конечно, у Андрея обожжено лицо, а у Гельмута все еще в гипсе. Но они живы! Живы все двенадцать! А мы не на родной Земле моционеры совершали, мы делом занимались, мы работали! Там, на Красном Пяте! Там, откуда не вернулись Седьмая и Девятая экспедиции!..

Он вдруг подскочил к Олегу и начал суетливо поднимать его с пола.

— Пойдем... Пойдем, я покажу тебе всех своих ребят... Они здесь недалеко живут... Ну, пойдем же... А потом ты мне покажешь своих! Нет, всех не надо! Ты мне только покажи Женьку Ануфриева!

Олег сидел неподвижно. Его лицо окаменело. Внезапно Егор ослаб. Он отпустил Олега и сказал ему в затылок:

— Ну вот и все... Доигрались... Романтики...

Он осторожно обошел Олега и, сутулясь, побрел к выходу.

— Тебе нужно отдохнуть, — услышал он за спиной.

— Отдохнуть... Сил набраться... — бормотал Егор, подходя к двери.

Внезапно, словно встречая прыжок желтого волка, он резко ударил ногой в полупрозрачную дверь. Прочнейший пластик разлетелся вдребезги. Перешагнув через обломки, он побрел дальше, убеждая вслух самого себя:

— Есть силы... Вон их еще сколько... А он мне какую-то ерунду: «Отдохну-у-ути!»

Тоска не отпускала. Все тело ломило от этой тоски, ее нужно было истратить, разрядить, иначе — беда.

Но его отстранили от полетов, снова предложили отдохнуть. Да и Ольга почувствовала эту тоску, темную, готовую разорваться, и сама посоветовала Егору уехать.

— Поезжай к Антону, — сказала она. — Там тайга, глушь... Я тебя ждала три года и еще подожду, пока ты вернешься моим, настоящим...

И Егор улетел в Сибирь. Похоже, начальство было действительно обеспокоено его здоровьем, потому что и отпуск разрешили сразу, и в Сибирь отвезли на служебном дискоиде, не доверив управление самому.

...Диск опустился на заснеженную поляну, рядом с рубленной из сосновых бревен избой. Егор спрыгнул в снег, провалился почти по пояс и побрел, не оглядываясь, к избе. Он слышал, как с пронзительным звоном диск зависал над поляной и набирал высоту.

Когда Егор добрался до избы, было уже так тихо, как бывает только в зимней вековой тайге. На высоком крыльце стоял Антон, и было непонятно — улыбается он в густую бороду или хмурится. Однако руку он Егору подал, и по плечам похлопал, и к щеке прижался колтуной бородой.

Антон повел гостя в дом, усадил перед камином, где торпливо и весело горели сосновые дрова, и лишь потом проворчал:

— Чего пилота в дом не позвал? Спрыгнул с диска — ни здравствуй, ни прощай, как с извозчика. Я чай свежий заварил, надо было парня хоть чаем напоить... Кто так делает? Чего молчишь?.. Или ты на автопилоте долетел?

— М-да... — неопределенно промычал Егор.

— То-то твой автопилот фитиля в небо дал, того и гляди на орбиту выскочит.

— Не ворчи, Антон. Не до чая ему было. Он все знает — не обидится.

— Ну ладно. Сам-то чай будешь пить? Или чего посерьезней достать?

— Давай посерьезней! — медленно сказал Егор.

Он смотрел, как Антон хозяйничает у стола, потом начал

разглядывать комнату. Здесь мало что изменилось. Стены из тесаных бревен светились мягкой желтизной, камин, сложенный из розоватых камней; напротив камина стояла широкая деревянная кровать, и на стене висела огромная медвежья шкура, олени рога, и на них грудой — бинокль, полуавтомат, патронташ и старый бластер.

Вот только книг на полке заметно прибавилось и над столом появилась новая картина — яркие весенние горы.

— У тебя здесь почти ничего не меняется, — сказал Егор.

— А зачем? Я привык... Но ты погоди выводы делать, завтра покажу новые книги, записи и еще кой-какой... транспорт.

— Технику сменил?

— Сменил.

В этот момент Егору почудилось, что он слышит тихое лошадиное ржанье. Он вопросительно взглянул на Антона.

— Конь?

— Три! Три отличные лошади! Орлик, Каурый и Чалый.

— Ну, поздравляю!

— Завтра обязательно прокатимся в санях. А сейчас давай к столу.

— Может, здесь расположимся? Давно не видел живого огня. Ишь как он... трудится.

— Давай, — легко согласился Антон.

Огонь в камине догорал, и сейчас была та редкая минута, когда угли переливаются бархатными сполохами, играют, завораживают человека. В такие минуты нужно молчать, глядя неподвижно на угли, или, не отводя от них глаз, говорить тихо и неторопливо. Перед угасающим огнем, как и перед вечностью, нужно быть немного философом, простить судьбе ее крутой нрав, как прощали ей, в конце концов, все наши предки.

— Зачем они ходят в горы? — глядя на огонь, спросил Егор.

Антон вымученно улыбнулся:

— Знаешь, когда я учился в Лесной академии, то, как и все студенты, очень любил поговорить о жизни. Однажды даже составили план по диспутам. В этом плане был такой пункт: «В чем смысл жизни? — 1 час». Ты задаешь мне вопрос из разряда вечных и хочешь, чтобы я после глотка водки быстренько тебе растолковал, в чем смысл жизни, зачем люди ходят в горы, что такое любовь и откуда дети берутся...

— Я обязательно должен в этом разобраться, — тихо сказал Егор. — Это же не спорт. Спорт — когда зрители, аплодисменты, телекамеры... Глупейшее занятие — лезть в гору, которая тебе абсолютно не нужна... А ты посмотри, кто ходит в горы — умницы, золотые ребята. Трудностей им не хватает? Так пусть идут работать к нам, в космос.

— Не всем же работать в космосе, — возразил Антон. — А Женька любил Землю. Наверное, он смог бы работать у вас, но он слишком любил Землю. А на нашей ухоженной,

благоустроенной Земле, может, и вправду хочется трудностей?

— Он был крепкий парень, но небольшого роста. Может быть, в этом дело?.. Когда поднимался на вершину, то чувствовал себя выше гор... Наверное, так и было вначале! Потом привык, в горах появились новые друзья, новые песни... Наверно, это очень приятно, когда у тебя где-то там, под ногами, парит орел, и облака под ногами, а выше тебя — только небо, небо и небо...

— Егорушка... Если бы только орлы под ногами да новая компания, то Женька бы быстро переболел горами. Только из-за этого никто не пошел бы в горы...

— Последнее, что он успел крикнуть: «Ребята, лавина!» И тут их накрыло! Все остались тогда живы, а он... — Егор захлебывался словами. — А ведь среди них он был самый опытный, самый сильный... Ну почему?!

Антон долго сидел с закрытыми глазами, потом хрипло сказал:

— Подбрось-ка в огонь, парень.

Утром они запрягли коней. Кони перебирали тонкими ногами, всхрапывали, косились на людей испуганными огромными глазами.

Егор с затаенным наслаждением гладил их по лоснящимся крупам, и у него подрагивали ноздри, когда он вдыхал запах лошадиного пота. Он с такой деловитой серьезностью помогал Антону, что тот не выдержал, заговорил:

— Ах ты цыганенок... Цыган — вот ты кто! Только сейчас я тебя понял. И лошадей ты любишь, и по космосу кочуешь, и кудри у тебя черные, и глаза диковатые — вон как у Орлика. Цыган ты и есть...

— Шутишь, борода! Сам посуди — часто ли такое видим? Лесных зверей бережем, лелеем, а живую лошадь только в таких краях найти и можно. В пригородных лесах лоси бродят, однажды мне белка на плечо прыгнула — ругается чего-то, хихвостит меня за что-то чертенок такой... Это хорошо, конечно. Но вот собаку свою, Найдю, пришлось тебе отдать. Не житье ей было в большом городе. Как она сейчас, кстати?

— Умница. Приедем — увидишь. Я ее на заимке оставил. Стержет подкормку для соболей. В этот год волков много развелось, боюсь — растащат подкормку.

Ах, как несли их эти кони! Дробно стучали копыта, ползья саней поскрипывали по накатанной дороге, а вокруг стояли такие золотые сосны, что казалось, это не деревья, а колоннада языческого храма, которая поддерживала купол синего неба. И такой покой стоял вокруг, что сердце подетски щемило, словно в предчувствии нового, еще одного чуда.

Антон правил лошадьми и внимательно поглядывал по сторонам. Вдруг он привстал, замороженно глядя куда-то назад, потом резко повернулся к лошадям и, нахлестывая их, крикнул:

— Волки! Ах ты, беда... Н-но! Н-но! Ах ты, загубил лошадей! Это же волки!

Егор мгновенно перевернулся на живот, встал на колени и, придерживаясь одной рукой за сани, внимательно осмотрел лес.

Стая волков гналась за санями. Волки шли то легким наметом, то стелились над землей в беге, и уже было видно, как стан вытягивается и охватывает тройку с флангов, изгибается гигантской подковой.

— Бластер! — крикнул Егор. — Где бластер?!

— Егор, мне нельзя их отстреливать! — простонал Антон, яростно нахлестывая лошадей.

— Это тебе нельзя! А мне можно! Я не хочу сидеть под личной биозащитой и смотреть, как они будут рвать твоих лошадок! Где, я спрашиваю, бластер?!

— Где-то под ногами.. Егор, попробуй их только отпугнуть!

— Попробую, — сказал Егор и влил заряд в грудь первому хищнику. Волки есть волки — на Земле или в Красном Пятне чужой планеты. Это очень серьезные звери, с которыми не стыдно встретиться в открытом бою.

Он выстрелил еще раз, и белый фонтан пара взорвался перед стаей. Та дружно взвыла и прибавила ходу.

И пошла работа! Лошади неслись, роняя хлопья пены, Антон свистел по-разбойному, ругался и все кричал Егору, чтобы тот старался только «отпугивать»... А сани болтались, раскачивались от этой бешеной гонки, и стрелять прицельно было очень трудно. Егор стрелял торопливо, навскидку, словно спешил потратить побыстрее все заряды.

Подбитые сгустками огня волки зарывались в снег ослепленными мордами, другие, нелепо перевернувшись в воздухе, тяжело падали и замирали неподвижно, третьи вдруг останавливались и начинали крутиться на месте, хватая себя зубами за обожженные бока.

Ах, как летели кони! Егор хмелел от бешеной гонки, от близкой, серьезной опасности, он глотал морозный земной воздух, смеялся, кричал и стрелял.

И когда бластер вместо мгновенного страшного удара выплюнул желтенький язычок остатков энергии, Егор усмехнулся, протянул руку и сорвал у Антона с пояса охотничий нож. Потом легко прыгнул с саней.

Антон что-то жалобно закричал, но храпящие кони несли неудержимо, их можно было убить, но только не остановить.

Стая, растянувшаяся в беге, вначале проскочила мимо Егора, лишь один крупный волк с ходу метнулся ему на грудь. Егор увернулся от лязгнувшей пасти и резко ударил ножом. С коротким хрипом волк свалился ему под ноги и забился на снегу.

Стая медленно возвращалась, окружала Егора, стягивала кольцо.

«Пожалуй, Антон успеет далеко уйти, пока я с ними тут разбираюсь», — весело подумал Егор. Он резко повернулся, и волки шарахнулись от него, скаля зубы.

«Вот то, что мне нужно, — мелькнула отчаянная

мысль. — Ай, браво! Ай, спасибо, Антон свет Петрович! Ты просто спасаешь меня от свирепой тоски! Вот кто сейчас мне будет платить за все — за нелепую Женькину смерть, за мою звериную тоску, за все, даже за лошадок, которых хотели сожрать эти волки!»

— Волки! — крикнул он. — Я вас не звал! Уходите! Нет? Ну, тогда у нас будет честная драка!

Егор натянул капюшон десантного комбинезона, застегнул до конца «молнию» и защелкнул ее на предохранитель. У него оставались незащищенными только руки и лицо. Но руки были оружием — в правой Егор сжимал тяжелый нож, а левой рукой — ребром ладони — он иногда ломал позвонки желтым волкам там, в Красном Пятне.

Волки медленно окружили человека, легли на снег. Егор стоял не оглядываясь — все равно морозный снег заскрипит под лапами нападающего, выдаст... Егор резко обернулся назад и взмахнул ножом... Лезвие с хрустом вспорол жесткую шкуру прыгнувшего зверя.

Егор ждал нового броска, но стоя неподвижно сидела вокруг. Тогда он взял мертвого зверя за задние лапы, раскочал и с силой метнул его в стаю. Волки не кинулись на своего мертвого собрата с голодным рычаньем, не устроили драку над свежим, еще горячим мясом — странно и равнодушно они обошли его стороной, стараясь не наступать на пятна крови, и снова легли, глядя на Егора неподвижными глазами.

Егор разозлился не на шутку: «Что вы меня гипнотизируете? Вы, черти драные, я драться с вами хочу, а не в гляделки играть!»

И тогда крупный, матерый волк вырвался из кольца и высоко прыгнул, стараясь сбить человека с ног. Егор отбил рукояткой ножа оскаленную пасть, успел поймать зверя за загривок и рухнул вместе с ним в снег.

С глухим рычаньем стая бросилась на человека. Под клыками волков металлгань комбинезона визжала и скрипела, Егор всем телом чувствовал жесткие удары — это была настоящая свалка. Он с трудом вытащил застрявший нож из глотки подмятого им волка и начал бить налево и направо, ощущая, как лезвие ножа вспарывает хищную плоть, натывается на кости...

Он крутился на изрытом, залепанном кровью и мочой снегу, успевал бить ножом, ребром ладони, пинками отбрасывать тех зверей, до которых пока не мог дотянуться руками. Он чувствовал, что левая рука, помятая клыками даже через комбинезон, слушается все хуже и хуже, а по лицу сочится теплая кровь — его кровь, человеческая...

Потом он с трудом поднялся, шатаясь от веса двух крупных волков, повисших на спине, резко ударил их локтями, сбросил обоих... Сделал шаг вперед и снова упал, сбитый двойным ударом, новой страшной рычащей тяжестью...

Несколько секунд Егор лежал неподвижно, подтянув под себя руки и зарывшись лицом в снег. Над ним рычали и подвывали от бессилия волки, рвали комбинезон и никак не могли добраться до живого тела.

В голове у Егора крутилась одна-единственная фраза: «Вы говорили: «Джек Лондон, деньги, любовь, страсть...» Он мучительно пытался вспомнить продолжение фразы.

Через минуту рывком встал, встретил новый прыжок рассчитанным ударом, и все началось сначала.

Вскоре его опять сбили с ног, почти сунули лицом в распоротое брюхо какого-то мертвого волка и навалились, не давая подняться. В бешенстве Егор попытался встать хотя бы на четвереньки, и тут, совсем рядом, под носом, он увидел в кроваво-синих потрохах тончайшее плетение разноцветных проводов, белые кристаллики микросхем.

«Биороботы? Не может быть!.. А, ч-черт!»

Он перевернул мертвого зверя, подтянул к себе его морду и ударил ножом точно в глаз. Глаз хрустнул и раскололся на части.

Егор поднялся на ноги, хрипло и тоскливо сказал рычавшей стае:

— А вы говорили: «Джек Лондон...» — и пошел назад, к избе Антона.

И стая расступилась перед человеком, не стала гнаться за ним.

В избе он устало спросил Антона:

— Это что еще за фокусы?

— Обычные биороботы, — сдержанно ответил тот.

— Земных волков не хватает?

— Они не совсем удобны.

— Ладно, — сказал Егор, — рассказывай все подробно.

— Понимаешь, наши волки мало отличаются от «дикарей». Просто у них не бывает так называемых «непредвиденных жертв», они истребляют только больших животных.

— Идеальные санитары, — усмехнулся Егор.

— Это не все. Есть еще два важных инстинкта. Во время охоты они не просто преследуют животных, а гонят их к богатым угольям.

— Еще и пастухи?!

— Биороботы, — продолжал невозмутимо Антон, — не лезут на рожон от голода, поэтому и сами меньше гибнут. С ними не случится такое, как случилось недавно с тремя «дикарями», — сохатый их так отделал, что не только биоробота — чучела приличного ни из одного не получилось.

— Почему же они нападали на меня?

— Два-три запрограммированных инстинкта — это не то, что обычный робот, автомат. Наши волки — серьезные звери, хищники. Они мне кофе в постель носить в зубах не будут.

— Все равно... Какой-то... дистиллированный твой лес.

— Просто мы наводим здесь порядок. Как и на всей Земле.

— Да... Все рационально, удобно, скучно. Так можно одрябнуть, жирком заплыть. Где же настоящие трудности, риск?.. Плюшевые игрушки, с которыми я так героически сражался.

— Есть трудности, — задумчиво сказал Антон. — Я не говорю про работу. Есть еще другие трудности — текучка, которая заедает, волокита, есть еще... типы, которые сами не хотят работать и другим мешают. Да мало ли! Мы-то с тобой хорошо знаем, что нам мешает жить, настоящим делом заниматься. Вот они где — страшные искусственные волки! Все мы с ними деремся! Тратим на них силы, нервы, время. От них рад бы сбежать туда, где можно поработать до поту, рискнуть по-человечески... Да только куда бежать-то?!

— Не знаю, — пожал плечами Егор, — до сих пор не задумывался над этим. Вот Женька, наверно, знал...

Антон резко повернулся к нему и шепотом спросил:

— Ты думаешь, он из-за этого ходил в горы? Он хотел настоящего, да?

Егор молчал.

— Иди к Олегу, парень, — сказал решительно Антон. — Попроси, он возьмет тебя с собой. Это нельзя понять умом, чистой логикой, это нужно почувствовать. Иди, иначе ты не избавишься от этой тоски, не сможешь разобраться...

Они смотрели на вершину и тяжело дышали. Вершина закрывала полнеба — значит, до нее было еще далеко. А где-то там, под ногами, клубились серые облака и ветер рвал их в клочья, словно прелую сырую вату.

— Как ты думаешь, сколько еще осталось? — спросил Егор.

— Много — ответил Олег. — Не нужно считать оставшиеся метры. Здесь всякое может быть, возможно, придется уходить вниз, терять высоту. Участок лавиноопасный... Кстати, ты не забыл, как пользоваться тубусом?

— Нет-нет, я все помню! — ответил Егор и подумал: «Женьке бы тогда такую вещь...»

Они подождали, пока на уступ поднимутся еще три связки. Егор смотрел, как подходили парни. Да, это было красиво — на фоне ослепительно белого склона медленно поднимались люди в ярких разноцветных пуховках, капюшоны натянуты на головы, бороды смерзлись ледяной коркой, черные очки на глазах... Они мало чем отличались от обычных альпинистов — толстые, словно надутые воздухом, пуховки с автоподогревом, брюки-«ползунки» и пластиковые ботинки, все тот же рюкзак за плечами, ледоруб в руке, а легкие титановые кошки все так же врезаются в фирн, а красный страховочный репшнур скользит по снегу...

Только теперь за спиной каждого альпиниста висел на жестком каркасе серебристый дюралевый тубус.

По белому сверкающему склону поднимались парни с загорелыми, обветренными лицами, а далеко внизу, в разрывах облаков, мелькала далекая затуманенная земля — квадраты полей, ниточки дорог, затейливые петли рек, — такая знакомая картина, не раз виденная из иллюминатора дискоида, в объективы орбитальной станции... Но как по-ново-

му, жадно разглядывал сейчас Егор далекую Землю, с какой-то тревогой искал глазами город у подножия гор.

Они поднялись наконец к ним на уступ, и Олег достал термос и выдал всем по пять глотков солоноватой, горячей, какой-то очень сытной жидкости.

— Еще одно мое изобретение! — прокричал он, повернувшись спиной к ветру. — Сплошные калории и витамины! Усваиваются мгновенно.

Кто-то из парней достал стереокамеру и начал снимать панораму гор.

— Мужики, встаньте поплотнее, я вас захвачу на фоне вон той скалы! — крикнул он, не отрываясь от камеры.

Егор оглянулся на вершину, прикидывая, где удобнее встать. И тут он увидел, как прямо на них катится белое облачко — маленькое, забавное, еще далекое. Несколько секунд он смотрел, как оно стремительно приближается, растет на глазах, захватывает все новые и новые массы снега, как оно — уже огромное, длинно, глухо рычащее — легко скачет с уступа на уступ, тяжелой волной выныривает из ложбин, и тут же падает вниз, сметая все на своем пути.

Егор с трудом оторвал от него взгляд и крикнул немеющими губами:

— Ребята, лавина!!

Мгновенно мелькнула мысль, что он повторил последние Женькины слова, но тут же голос Олега перебил его.

— Уходим, быстро! Егор — первый! Пошел!

Егор резко присел и рванул кольцо. Над головой раздался хлопок, Егор почувствовал, что его сразу поволокло в сторону, он сорвался с уступа и повис в пустоте.

Через секунду он лег всем телом на воздух и поднял голову. Над ним, подрагивая от порывов ветра, раскинулось алое крыло дельтаплана. Егор круто развернул аппарат и стал смотреть, как с уступа уходят остальные парни. Они взлетали и кружились, дожидаясь, когда последний человек уйдет с этого гиблого места.

Последним уходил Олег. Он спланировал с уступа и начал быстро, по крутой спирали, набирать высоту.

И сразу под ним прокатились первые комки снега, и тут же огромный снежный вал вымахнул на уступ, сорвался вниз и пошел, пошел дальше, оставляя за собой глубокий желоб, изрезанный шрамами — следами от валунов.

Егор почувствовал, как тугая волна воздуха подбросила его вверх. Он выровнял дельтаплан и осмотрелся.

Словно разноцветные осенние листья — золотые, красные, темно-зеленые, — кружились дельтапланы над горами. Их было восемь — значит, все парни успели уйти с уступа.

Когда эхо от лавины утихло и даже ветер смолк на минуту, Егор услышал спокойный, насмешливый голос Олега:

— Уходим вниз, на базу! Завтра начнем все сначала! Кто сказал, что эти горы сильнее нас?!